

УДК 1 (091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.3.097

ДИАЛОГИЧНОСТЬ И Н.И. КАРЕЕВ О ИСТОРИОСОФИИ

В.В. Буланов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь

Анализируются аспекты диалогичности, а также их соотношение друг с другом. Автор приходит к выводу, что диалогичность является как сущностным свойством человека, так и характеристикой его участия в диалогическом общении. По мнению автора статьи, страх препятствует реализации каждого из аспектов диалогичности, что подтверждает призывы Н.И. Кареева к разработке историософии.

Ключевые слова: диалог, диалогичность, историософия, монолог, страх.

Человеческая сущность – одна из наиболее дискуссионных тем современной философии. В противовес большинству философов, не сомневающих в ее реальности и цельности, есть мыслители, для которых она или неустранимо противоречива (Ж. Делёз, Э. Фромм), или является лишь выдумкой (М. Фуко). Не вызывает сомнений лишь два факта: есть тот вид живого существа, который принято называть человеком, и что человек знает о том, что он умрет, и страшится своей смертности. Сложно не согласиться с выводом И. Ялома, согласно которому страх, и в первую очередь страх смерти, является одной из важнейших составляющих эмоциональной жизни каждого взрослого вменяемого человека [14, с. 12]. Исследователи выделяют еще одну неизменную характеристику человека – диалогичность. При этом мало констатировать, что понятие «диалогичность» многоаспектно [5, с. 76], так как ее аспекты не равноценны. Можно привести четыре философских определения этого понятия. Во-первых, под диалогичностью понимают способность человека к участию в диалоге (Э.В. Сайко) [12, с. 319–320]. Во-вторых, диалогичность – это мера приятия диалога как формы речевой коммуникации (В.С. Библер) [2, с. 232, 287–289, 299]. В-третьих, диалогичность – это критерий эффективности участия человека в диалоге (М.М. Бахтин) [1, с. 14, 27, 31, 179]. Таким образом, диалогичность присуща всем людям как способность, которая может развиваться в полной мере. Она реально проявляется, когда человек позитивно относится к диалогу, тогда мера диалогичности можно быть определена при анализе эффективности участия того или иного конкретного человека в диалоге. Выясним, как на каждый из этих аспектов влияет страх, а потом покажем соотношение диалогичности и страха на примере историософии Н.И. Кареева.

Диалогичность как способность к участию в диалоге и страх

Любой ребенок изначально эгоцентричен. Однако уже он – и вплоть до своей смерти – обладает склонностью к построению образа «Другого»,

чужого «я» [10, с. 81]. И потому личностное развитие ребенка предполагает осознание им двух фактов. А именно – что существование отдельного человека, «Я», невозможно вне общества, вне «Они», и общения с его частью, во время которого индивидуальное «Я» временно включается в групповое «Мы». Такое включение происходит через общение одного человека с другим человеком при помощи феномена интерсубъективности, который объединяет людей как друг с другом, так и со всем миром, являющим себя в качестве бесконечного смыслового ресурса для беседы. А так как диалог является древнейшей и наиболее часто используемой формой речевой деятельности [3, с. 37], способность к участию в диалоге (т. е. диалогичность) является необходимой предпосылкой для данного включения «Я» в «Мы». Но нередко бывает, что человек, обладая диалогичностью как способностью, испытывает страх, мешающий реализовывать ее. Такими проявлениями страха могут быть застенчивость или боязнь высказать свою точку зрения и, как следствие, притягивание ситуации, когда собеседник следует монологу – коммуникативной стратегии, противоположной диалогу. Ведь диалог предполагает неприятие плюрализма, диалог же базируется на терпимости к инакомыслию, сущность диалога составляют стремление к истине, к взаимопониманию, а также терпимость к инакомыслию [13, с. 34].

Диалогичность как мера притяжения диалога и страх

Как отмечает М.С. Каган, цель диалога состоит в том, чтобы позиции его участников были соотнесены друг с другом вплоть до взаимной дополнительности [6, с. 152]. Этот процесс взаимного соотнесения позиций происходит, когда партнеры по диалогу обмениваются своими аргументами. Человек, решивший принять участие в диалоге, может лишь на словах одобрить данную специфику диалогического общения. В таком случае он соглашается на участие в квазидialoge («замаскированном под диалог монологе») – форме диалога, участники которой ведут коммуникацию, ориентируясь на монологическое отношение к разговору. Такой диалог сугубо формален, так как лишен диалогичности как следствия подлинного притяжения диалогического общения, т. е. «движения навстречу другому без обретения другого и пребывания в другом» [4, с.140–142]. Квазидialog имеет несколько видов, например, информативный и праздный диалог. Как страх может подтолкнуть человека к решению если и участвовать в диалогическом общении, то лишь в форме квазидialoga? Это страх перед возможностью столкновения с убедительными контраргументами партнера по диалогу: квазидialog – беседа двух людей, один из которых навязывает свое мнение, не вникая в возражения своего партнера, потому что нацелен лишь на обоснование своей позиции, на фактический монолог [4, с. 142]. Человек, соглашаясь на свое участие в диалоге и при этом не опасаясь контраргументов, которые могут пошатнуть его изначальную позицию, открыт для совместного поиска истины и этим проявляет диалогичность как меру притяжения диалога как формы речевой коммуникации.

Диалогичность как критерий эффективности участия в диалоге и страх

Так как участие людей в диалоге проявляется в дискурсивных практиках осмысления, хранения, трансляции и создания знания [8, с. 130], то нельзя не упомянуть о диалогичности как критерии эффективности участия в диалоге. Диалогичность, предполагая цельность и неделимость взаимодействия участников диалога [6, с. 153], неизбежно содействует более глубокому постижению исследуемой проблематики [1, с. 14, 27, 31, 179]. Для такого участия в подлинном диалоге одного согласия не достаточно, ведь призыванием такого диалога является победа над духом раздора, олицетворением которого является монологическое предпочтение одного другому как лучшего худшему (Г.С. Померанц) [11, с. 382]. В таком случае диалогичность – это критерий эффективности участия в диалоге. Наличие такой диалогичности лучше всего определяется при исследовании поведения участников агонального диалога. Агональный диалог характеризуется наличием ценностного конфликта между его участниками. Партнеры по данному диалогу стремятся к взаимопониманию лишь для того, чтобы убедить собеседника в правомерности своей точки зрения, избегая при этом неконтролируемых проявлений негативных эмоций и со своей стороны, и со стороны собеседника [9, с. 67]. Агональный диалог стимулирует у его участников пересмотр ценностных установок, переосмысление стереотипов и негативных атрибуций. Пребывание в агональном диалоге предполагает открытость иным точкам зрения, нацеленность на равноправную коммуникацию и поиски точек компромисса, то есть диалогичность, воспринимаемую в качестве критерия эффективности. Поэтому нередко консервативные люди или люди, страдающие неуверенностью в себе, испытывают страх, который побуждает избегать участия в агональном диалоге, лицемерно обходя темы или умалчивая факты, которые могли бы спровоцировать его начало.

Диалогичность и страх в контексте историософии Н.И. Кареева

Таким образом, страх – это эмоция, которая многообразно и негативно влияет на диалогичность человека. Страх мешает реализации диалогичности как способности, присущей каждому человеку, создавая помехи для начала диалога, препятствует участию в делящемся диалоге, снижает эффективность диалогического общения. Особенно наглядно все вышесказанное заметно на примере научных и философских дискуссий. Еще Н.И. Кареев сетовал на то, что по вопросам толкования истории «существует столько всевозможных теорий, ... одна другой противоречащих, ... столько недоразумений, столько взаимного непонимания или даже просто игнорирования между историками, психологами, социологами, философами» [7, с. 247]. Сейчас, более чем через век, данное положение не изменилось. И это потому, что страх, страх встречи с убедительными контраргументами про-

тив своей теории скрывался и до сих пор скрывается под широко распространенным предпочтением монолога диалогу. Примечательно, что Н.И. Кареев искал и нашел выход из этой ситуации в надежде на диалогичность как способность, присущую всем участникам дискуссий вокруг философии истории. Этот выход заключается в призыве Н.И. Кареева начать всеобщее обсуждение концептуальных основ историософии, без чего «немыслимо само занятие философией истории» [7, с. 247]. Полагаю, что этот призыв русского ученого и мыслителя принять участие в универсально значимом диалоге касается не только философии истории и до сих пор не утратил своей актуальности. Многим людям как в конце XIX в., так и в начале XXI столетия хорошо знаком страх, мотивирующий избегать диалога и тем самым мешающий реализовывать диалогичность как одну из человеческих способностей.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Проблемы творчества Достоевского. Проблемы поэтики Достоевского. Киев: «NEXТ», 1994. С. 9–179.
2. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1990. 413 с.
3. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. М.: Либроком, 2007. 288 с.
4. Бубер М. Диалог // Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1999. С. 122–161.
5. Зайцева У.И. Диалогичность как понятие в контексте массовой коммуникации (историко-философский аспект) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 2, вып. 10: Журналистика. С. 73–76.
6. Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. 319 с.
7. Кареев Н.И. Философия истории и историософия // Русская историософия. Антология. М.: РОССПЭН, 2006. С. 239–250.
8. Карпов А.О. Дискурс и смысл // Человек. 2007. № 5. С. 130–136.
9. Краснопольская А.П. Агональный диалог и постнеклассическое образование // Вестник МГУКИ. 2015. № 4. С. 64–71.
10. Левинас Э. Время и другой // Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1999. С. 19–120.
11. Померанц Г.С. Диалог культурных миров // Лики культуры: Альманах: в 2 т. Москва, 1995. Т. 1. С. 445–455.
12. Сайко Э.В. Субъект: создатель и носитель социального. М.: Изд-во Моск. псих.-соц. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2006. 424 с.
13. Щукин В.Г. О диалоге и его альтернативах. Вариации на тему М.М. Бахтина // Вопросы философии. 2006. № 7. С. 32–44.
14. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма «Класс», 1999. 576 с.

DIALOGICITY AND N.I. KAREEV ABOUT HISTORIOSOPHY

V.V. Bulanov

Tver State Medical University, Tver

The author of the article analyzes the aspects of dialogicity, as well as their relationship with each other. He comes to the conclusion that dialogicity is both an essential property of a person and a characteristic of his participation in dialogical communication. According to the author of the article, fear hinders the realization of each of the aspects of dialogicity, which confirms N.I. Kareev's call for the development of historiosophy.

Keywords: *dialog, dialogicity, historiosophy, monolog, fear.*

Об авторе:

БУЛАНОВ Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь. E-mail – althotas3111978@mail.ru

Author information:

BULANOV Vladimir Vladimirovich – PhD, Assoc. of Prof., Assoc. of Prof. of Dept Philosophy and Psychology with courses of Bioethics and History of Russia, Tver State Medical University, Tver. E-mail: althotas3111978@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.08.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 16.09.2023.